

КОМАНДИР ТАНКА

Незабываемо навсегда—до последнего вздоха: пять с небольшим лет тому назад в Большом Кремлевском дворце прозвучали проникновенные слова вождя, учителя, друга.

В этих словах, в докладе творца Конституции вся страна, весь советский народ и его друзья за нашими рубежами услышали, реально ощутили грандиозные итоги созидательной деятельности, чудесный, захватывающий пафос строительства нового общественного уклада в нашей стране.

Прошло пять лет и несколько месяцев с того исторического дня, когда с всемирной кремлевской трибуны прозвучал голос вождя. Еще более могучей стала наша страна. Поднялись к активной жизни миллионы новых сознательных строителей нового человеческого общества.

Но вот грозная опасность нависла над нашей страной. Гитлеровская Германия напала на нашу родину. Нашей жизни угрожает смертельная мгла фашизма.

И снова мы слышим голос вождя. И могучий, монолитный советский народ встает на защиту своих завоеваний, на защиту своих кровных прав, записанных в Сталинской Конституции. В рядах славных защитников родины, героев великой отечественной войны мы видим и старых борцов-революционеров, и миллионы молодых людей — ровесников Октября и родившихся после Октября. Они беззаветно служат родине, своему народу под руководством своего друга и вождя.

Вчера, морозной ночью, под грохот артиллерийского огня в лесу, на позиции танков мы вели задушевную беседу с товарищами.

А накануне было вот что.

Вправо от гулко асфальтированного шоссе, всего метрах в ста, чернеет небольшая еловая рощица — узкий мысок угрюмого лесного массива.

Рощица как рощица. И ни от шоссе, ни от большой деревни,

что седлает шоссе, не видно, что среди елок стоит стальная громадина нашего танка. Зато от него очень хорошо видны и поляны и опушки леса по обе стороны шоссе.

А само шоссе, — вон оно, стремительно метнувшись в лощинку, взлетает на бугор и исчезает за низкой линией горизонта, всего метрах в восьмистах от танка. Там — враги; оттуда в любое мгновение могут выскочить фашистские танки. Враг усиливает нажим, стремясь прорваться к Москве. Отсюда, вот от этой деревни Большие Ржавки, до Москвы всего-навсего километров сорок. Вчера немцы зацепились за окраину Крюкова и захватили перекресток дорог за тем бугром, в полутора километра. Да, в любое мгновение надо ждать сюда врага.

Утро красит нежным светом
стены древнего Кремля... —

запевает башенный стрелок Алексей Патаев и умолкает: на плечо его строго легла рука командира танка замполитрука Седлецкого. И оба они и еще двое — механик-водитель Георгий Панасов и стрелок-радист Михаил Халецкий — настороженно прислушиваются. Издалека слышен гул моторов.

Танк уже второй день стоит здесь, в засаде. Вчера другой танк ушел. Его командир сказал Седлецкому:

— В моей машине неисправности, надо ехать на ремонт.

— Езжай, я буду здесь!

Гул моторов нарастает. Седлецкий осматривает в оптический прибор всю округу. С невыразимой ясностью входят в сознание и деревянные дома деревни, и опушенные серебристым инеем березы, и тревожно-поспешное движение на шоссе.

— Бомбардировщики! — вскрикивает Халецкий.

В звонкой синеве неба восемнадцать немецких бомбардировщиков разворачиваются над деревней, образуя огромный ревуший круг. Один за другим они пикируют, набирают высоту, вновь пикируют и вновь поднимаются вверх — серые, отвратительные. Земля гневно вздрагивает от ударов бомб. Над деревушкой вздымаются каштаново-огненные столбы разрывов.

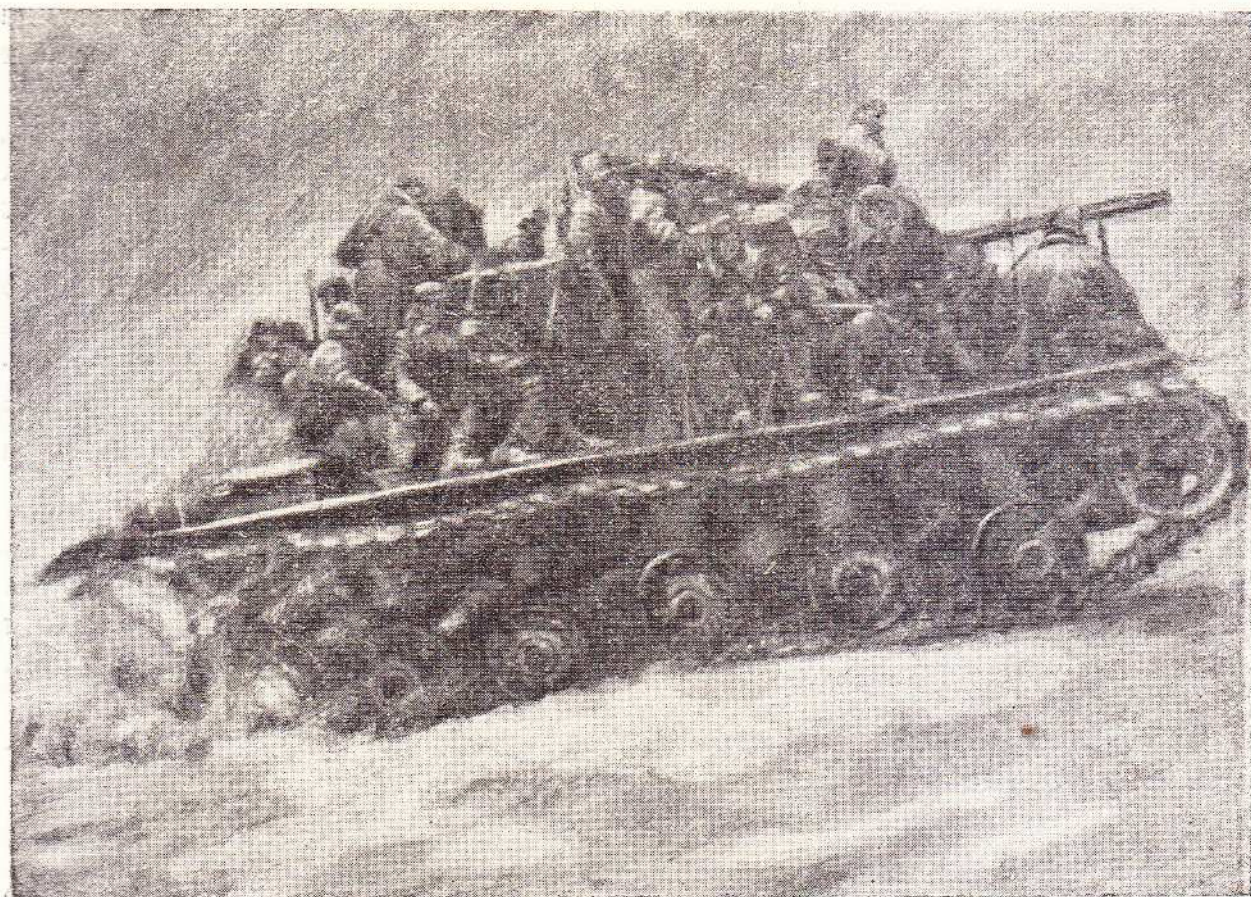
Руки Седлецкого застывают на механизме пушки. Крепкое слово срывается у него:

— Падло проклятое!

Он переглядывается с товарищами. И в их глазах то же: неистребимая и бесконечная ненависть к врагу. Этот молчаливый и такой красноречивый разговор четырех танкистов еще крепче сплачивает их.

Лишь вчера они встретились в своем батальоне. Вчера приняли эту боевую машину и тотчас по приказу заняли здесь оборону. За эти часы напряженного ожидания каждый из них уже успел рассказать про себя, про свою жизнь, про борьбу с фашистами.

У каждого сильно бьется сердце советского патриота. У каждого свой смертельный счет с заклятым врагом — за родину, за родные дома, за близких. И каждый удар вражеской авиабомбы, каждый разрыв вражеского снаряда лишь увеличивает смертельный счет...

На запад! Танковый десант отправляется на штурм вражеских укреплений.

Смолк вдали гул немецких бомбардировщиков. Пылают дома и строения в деревне. Сизый дым клубится в морозном воздухе. Иссиня-черные глаза Владимира Седлецкого подергиваются влажным туманом: может быть, вот так отпылали родные места — и Котовск, что близ Днестра на Молдавии, и неподалеку МТС имени Котовского...

Родные бескрайные степи, мреющие, оплывающие жидким переливным стеклом под жарким солнцем, в золоте пшеницы, в оранжевом сиянии подсолнухов, в темной густой зелени кукурузы и кледевины.

Родные места: и пламень прудов на закате, и трепетные тополя, и вишневые сады, и хаты, и, словно добрый и зоркий часовой, силосная башня, видная за десятки километров. Сама просится из сердца песня, и вот он, бригадир тракторной бригады, садится на ступеньку фургона, берет гармонику...

В грозный восемнадцатый год родился в семье бойца-котовца Владимир Седлецкий. Две сестры и два брата росли без родителей, сиротами.

Владимир Седлецкий батрачил у куркулей до 1929 года — пас гусей, индеек, свиней. Он учился в вечерней школе. Комсомольцы устроили его на работу в «Военстрой». Через полтора года он вернулся в колхоз,

Танковый десант на боевом марше.

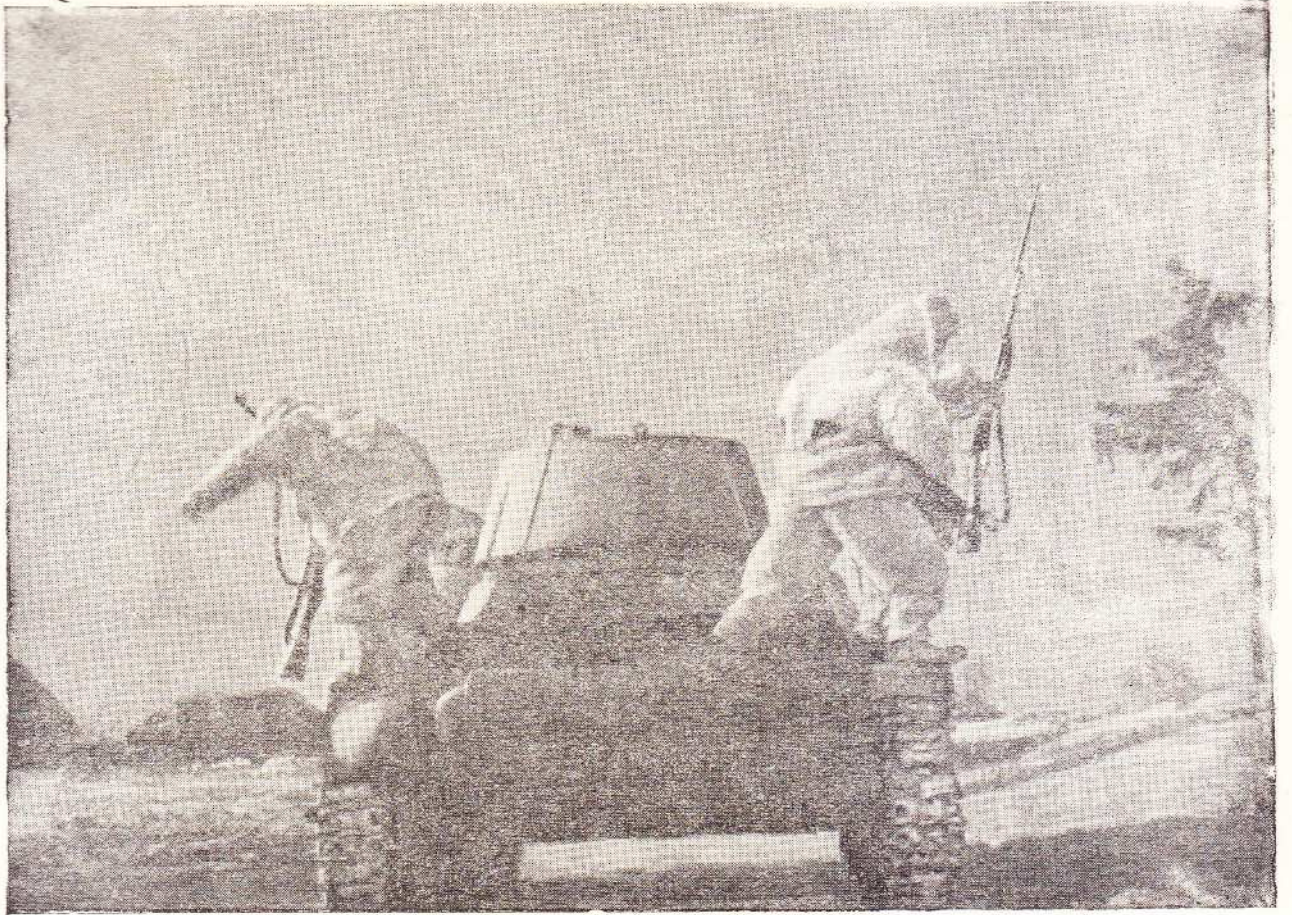
работал на молочной ферме. Здесь в 1937 году он вступил в комсомол и вскоре стал трактористом. Перед уходом в армию в 1939 году Владимир Седлецкий был уже бригадиром, и тракторная его бригада выделялась успехами, дисциплинированностью, дружной, веселой спайкой. Вечерами на стану бригады звенели песни, сюда собиралась молодежь.

Какая это была жизнь! Любимая работа. Любимая семья. Жена и сын Валя — ему сейчас уже три года. Где они? Что с ними? Где сестренки и брат?.. Украину топчут немецкие сапоги. Дым пожарищ стелется над матерью-родиной. Стоны мучеников в фашистской неволе слышны по городам и селам, и кровь народа кричит об отмщении.

— Та не буде по-вашему, лютые враги! — одними губами истово, как клятву, говорит Владимир Седлецкий.

Смуглое лицо его сурово и гневно. В нитку сжались черные брови. Пламенеют глаза. И снова настораживается он. Слух его ловит нарастающее гуденье самолетов, такое же, как и прежде. Стало быть, опять идут бомбардировщики. А после бомбежки обязательно пойдут в атаку танки. Так было под Ельней, так было под Рославлем. В памяти Седлецкого горячей чередой проносятся схватки, атаки...

Под Рославлем танковый полк, в составе которого действовал

Подразделение сержанта А. Селиванского вступает в бой за населенный пункт.

Седлецкий, ринулся в атаку, прорвался в тылы врага. Три танка, восемь орудий и склад артиллерийских боеприпасов уничтожил тогда Седлецкий. Немало немецких офицеров сдалось тогда в плен танкистам.

А позднее полк оказался в немецком окружении, сомкнувшемся огненным и стальным кольцом. Танкисты прорвали две линии окружения. Танкисты семнадцать раз бросались в атаку на врага. Владимир Седлецкий четырнадцать раз атаковал врага с исправной пушкой на своем танке. Когда пушка была подбита, он бросался на фашистов, расстреливая их из пулемета, давя их гусеницами.

В последний раз, атакуя деревню, занятую врагом, Седлецкий напоролся на огонь противотанковой пушки. Она была укрыта в доме. Фашисты разбили наш первый танк с дистанции в 150 метров и перенесли огонь на машину Седлецкого. От удара снаряда в броню заглох мотор. Танк остановился. Седлецкий, оглушенный и озлобившийся, расстрелял из пулемета расчет немецкой пушки. Потом вернулся к своим. Дорогой мотор работал неправильно, еле тянул. Когда его осмотрели, то оказалось, что четыре цилиндра вышли из строя от того удара.

Враг опять наседал. Снаряды и мины рвались вблизи, вздымая зловеще черные султаны. Надо было отходить. И Седлецкий, приказав

Еще один населенный пункт освобожден от фашистских захватчиков.

экипажу снять пулеметы и забрать гранаты, сам, своими руками зажег свою боевую машину. Танкисты уходили кустарником к большому лесу. Вот уже начались березы и елки. Только тут Седлецкий оглянулся. Сердце мучительно сжалось. Над кустами ревели густое красное пламя...

Пробираясь лесом к своим, Седлецкий собрал отряд в сто двадцать пять человек. И все они признали старшинство Седлецкого, признали вожака в нем, мальчишески юном, закопченном, но со стальным блеском в глазах и непреклонной волей в тоненьком тенорке...

Вскоре по выходе к своим Владимир Седлецкий снова пошел в бой — на новом, другом танке. Это было под Большим Павловым. Два боя были победными. В третий раз фашистский снаряд попал прямо в танк. Машина содрогнулась. Сквозь все щели внутрь танка брызнул огонь. Седлецкий успел закрыть глаза. Брови его сгорели. Мотор запылал. Танкисты выскочили через передний люк — в башенный люк выходить было невозможно: вокруг были немцы.

Танкисты ползком скрылись в лесу. До своих было четыре километра. Но вскоре танкистов окружили немцы. Четыре автоматчика, стреляя, подбегали к ним. Седлецкий, припав на колени, швырнул гранату. И в этот же миг швырнул гранату механик-водитель. Три

автоматчика упали мертвыми. Последний остановился ошалело. И танкисты расстреляли его из наганов. А потом — дальше, ползком на животе. Вот тут Седлецкому пришлось задержаться. Указательный палец на правой руке висел сломанный. Башенный стрелок взял две палочки, приложил их к пальцу, вытянул его и туго забинтовал. Потом они тронулись дальше. И палец потом сросся...

Грохочут разрывы, вздрагивает земля, и с елок сыплется иней. Прильнув к прибору, Седлецкий смотрит в сторону врага, на шоссе. Над линией горизонта возникает башня, показывается танк. Затем возникает вторая башня.

— Механик-водитель, завести машину! Двигутся немецкие танки!

— Есть завести машину!

Твердая, опытная рука тотчас запускает мотор. По шоссе идут к деревне уже шесть танков. За ними — две колонны немецкой пехоты.

— Экипаж, к бою!

Седлецкий старательно и спокойно наводит перекрестие прицела на люк водителя переднего немецкого танка. Грохочет выстрел. Передний танк, вздрогнув, останавливается, окутанный дымом от разрыва снаряда. Немцы, словно черные обезьяны, быстро вываливаются через боковые и башенные люки и прячутся за машину.

Снова гремит выстрел.

— Горит! — кричит механик-водитель.

Радист-стрелок ударяет из пулемета по пехоте. Солдаты в панике разбегаются, падают, копошатся и застывают на снегу. Живые хотят укрыться на опушке леса. Но до нее — белоснежная поляна, а пулемет Халецкого хлещет и хлещет огненными смертельными струями.

Над вторым немецким танком вздымается огромное пламя, злое, черные клубы дыма. Остальные машины разворачиваются, идут вправо и влево от дороги. Одна из них уже начинает стрелять. Вот вздрагивает наш танк, гудит броня. Седлецкий так же спокойно ловит в перекрестие лоб третьего танка. Механик-водитель громко докладывает:

— Товарищ командир, прямым попаданием фашистского снаряда разбит триплекс!

— Закрывать лючок, переменить триплекс!

Вот в перекрестии и третья цель. Опять выстрел. Цель поражена.

И в ту же минуту удар по башне. Сами закрываются на мгновение глаза. Живы? Да, все живы!

— Попало под башню. Разбило пулемет. Осколки залетели ко мне, — звонко докладывает радист-стрелок.

— Зацепило?

— Нет!

— Помогайте башенному стрелку!

— Есть помогать башенному стрелку!

Седлецкий стреляет по четвертому танку, и он останавливается, объятый яростным пламенем и смрадным дымом.

Пятый фашистский танк, развернувшись, удирает назад прямо по шоссе. Шестой танк удирает по-над опушкой леса, сминая молодые елочки.

Седлецкий стреляет по пятому танку, но тот успевает скрыться за бугром. Надо бить по шестому, но башня в эту сторону не вращается: пушка заклинилась.

Бой окончен. На шоссе и около него полыхают два немецких танка, угрюмо чернеют еще два — подбитых.

— И надо же ей было заклиниться! — негодует Седлецкий на пушку.

Механик-водитель докладывает, что под линией управления появилась вода, стало быть, пробит радиатор. А может быть, повреждено еще что-нибудь.

— Включи скорость.

Скорость включается. Танк послушно трогается с места. Маскировочные елочки падают. Седлецкий радостно улыбается. Машина в порядке. Теперь скорее отремонтировать, привести в порядок оружие. Потом — снова в бой.

В деревне он выскакивает из башенного люка. И тотчас наводит полный боевой порядок среди замешкавшихся артиллеристов. Голос его звонок и властен. Ему подчиняются. На него поглядывают с уважением и горделивой радостью.

В сумерках, озаренный отблесками пожаров, Владимир Седлецкий стоит около своего танка. Он совсем маленького роста, и смуглый пушок на верхней губе лишь подчеркивает его юность — яркую, боевую и победную, как вся наша жизнь.
